

Потакова Алеся Александровна, студент
Северо-Кавказский федеральный университет

МИЛОСТЬ ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ЭТИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ У. ШЕКСПИРА И А.С. ПУШКИНА

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения милости и справедливости в творчестве У. Шекспира и А.С. Пушкина на примере пьесы «Мера за меру» и поэмы «Анджело». Анализируется образ правителя и особенности реализации власти через понятия милосердия и закона. Также выявляются сходства и различия в художественном осмыслении дилеммы у двух авторов.

Ключевые слова: Милость, справедливость, Пушкин, этика.

Дилемма выбора между милостью и справедливостью принадлежит к числу фундаментальных этических коллизий мировой культуры. Её истоки уходят в глубокую древность: уже в античности противостояли различие «уравнивающей» и «распределяющей» справедливости Аристотеля, а в Ветхом Завете закон возмездия («око за око») вступал в диалог с новозаветным призывом к милосердию. Для Уильяма Шекспира и Александра Сергеевича Пушкина, двух национальных гениев, эта антиномия стала ключевой. Оба рассматривают её не только в юридической плоскости, но и в духовном ключе, где выбор героя определяет его человеческую состоятельность, а формальная справедливость, лишённая милосердия, неизбежно оборачивается жестокостью. Как точно замечает исследователь, «Шекспир на всемирном уровне способствовал укоренению гуманистического миропонимания эпохи» [2, с. 226], а Пушкин, в свою очередь, «сосредоточивает внимание на сугубо христианском чувстве прощения врагов» [3, с. 231].

Наиболее сложную модель предлагает пьеса «Measure for Measure» («Мера за меру») (1603), относящаяся к так называемому «трагическому» периоду творчества Шекспира. Герцог Венский, желая восстановить погрязшие законы, временно передаёт власть суровому судье Анджело. Тот воскрешает давно забытые законы против разврата и приговаривает к смерти юношу Клавдио. Однако сам Анджело, вступив во власть, использует её не для установления государственного права, а ставит на службу своим страстям. Публично выставляя себя сторонником строгой законности, он шантажирует сестру осуждённого Изабеллу, предлагая ей сделку: ночь любви в обмен на жизнь брата. Шекспир «подмечает двуличие закона, если в его основании не заложена высшая справедливость» [3, с. 228]. Именно облечённость властью пробуждает в Анджело тёмные страсти, делает его бесчестным и лицемерным. Герцог, переодевшись монахом, наблюдает за происходящим, а в финале восстанавливает порядок, прощая почти всех, включая самого Анджело. Заступничество Марианы (жены Анджело) и Изабеллы избавляет покаявшегося правителя от казни. Милосердие здесь совпадает с законом и юридически: Анджело формально не нарушил закон, проведя ночь с собственной женой, благодаря подмене. Как заключает Стрельникова, «Шекспир пытается найти равновесие и гармонию между христианскими заповедями милосердия и справедливостью государственных законов» [3, с. 228].

Пушкин, глубоко усвоивший шекспировские уроки, переосмысливает эту дилемму в контексте русского менталитета в поэме «Анджело» и других произведениях. Пушкин переносит действие в «Италию счастливую» [2, с. 107]. С одной стороны, мы видим «предоброго Дука», он «народа своего отец чадолюбивый» [2, с. 107]. Но его доброта превратилась в слабость: «Сам ясно видел он, / Что хуже дедушек с дня на день были внуки, / Что грудь кормилицы ребенок уж кусал, / Что правосудие сидело сложа руки» [2, с. 107]. К власти приходит Анджело, в короткое время делает законы реальными и начинает добиваться их строгого исполнения. Первой жертвой становится беспечный Клавдио.

Конфликт достигает апогея, когда Изабелла приходит просить милости. Анджело, пленённый её красотой, сам становится нарушителем своего же правосудия. Здесь Пушкин

следует за Шекспиром, но выносит в заголовок не метафору «мера за меру», а имя героя, акцентируя проблему влияния власти на личность. Деспотизм власти в представлении Пушкина концентрируется в лице одного человека, чьи качества влияют на судьбу общества. Как отмечает Алексеев К.В.: «Большую роль в обеспечении подлинной законности, как следует из поэмы «Анджело», играет нравственный облик того, кто призван стоять на страже закона. <...> Закон, противоречащий запросам населения, обречен: даже под страхом жестокого наказания он будет нарушаться» [1, с. 16]. Кульминация наступает в финале, когда возвратившийся Дук вершит суд. Он обличает наместника, но прощает его. Отдельной, ключевой строкой поэт завершает повествование: «И Дук его простил» [2, с. 129]. Несмотря на победу милости над законом, все же остается неочевидным, что же важнее для хорошего правителя. Конечно, идеально было бы сочетать и закон, и милосердие, но явно понятно, что авторская симпатия лежит на стороне последнего.

Сравнивая подходы двух авторов, можно обнаружить как глубокое сходство, так и принципиальные различия. Милость у обоих авторов выступает признаком полноты власти: и герцог Венский, и Дук обретают подлинный авторитет именно в акте помилования. Однако различия не менее существенны. Шекспир всё же ищет баланс между законом и милосердием через социальные институты и мудрость правителя. Пушкин же, впитавший православную традицию, ставит милость выше закона безусловно.

Таким образом, и Шекспир, и Пушкин, каждый в своей национальной и творческой парадигме, утверждают: истинное правосудие не может быть бессердечным, а истинная милость – слепой. Поэма «Анджело» в очередной раз доказывает актуальность творчества Пушкина для нашего времени. Размышления поэта о природе власти, справедливости, милосердии и нравственном выборе продолжают волновать читателей и побуждают к глубокому осмыслению современной действительности. «Милость к падшим призывать» остаётся высшим нравственным императивом, объединяющим литературу и жизнь

Список литературы:

1. Алексеев К.В. Правовые идеи в творчестве русских поэтов XIX в. А.С. Пушкина и Я.П. Полонского // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 10-17.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1994-1997. Т. 5. Поэмы 1825-1833 изд. – М.: Воскресенье, 1994-1997. – 543 с.
3. Стрельникова Л.Ю. Любовь и закон в комедии У. Шекспира «Мера за меру» и поэме А. С. Пушкина «Анджело» // Знание. Понимание. Умение. 2020. №4. С. 226-236

